

Н.Н. Наседкин

Фердыщенко

ФЕРДЫЩЕНКО — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», чиновник, жилец в квартире Иволгиных. Когда князь Мышкин поселился у них, Фердыщенко пришел к нему знакомиться первым: «Это был господин лет тридцати, не малого роста, плечистый, с огромною, курчавою, рыжеватою головой. Лицо у него было мясистое и румяное, губы толстые; нос широкий и сплюснутый, глаза маленькие, заплывшие и насмешливые, как будто беспрерывно подмигивающие. В целом все это представлялось довольно нахально. Одет он был грязновато...» С первых же минут знакомства Фердыщенко предупреждает князя, чтобы тот займы ему денег не давал, когда он будет просить, и озадачивает вопросом: «Разве можно жить с фамилией Фердыщенко? А?...» И далее поясняется: «Князь узнал потом, что этот господин как будто по обязанности взял на себя задачу изумлять всех оригинальностью и веселостью, но у него как-то никогда не выходило. На некоторых он производил даже неприятное впечатление, отчего он искренно скорбел, но задачу свою все-таки не покидал...» Еще в одном месте повествователь, характеризуя окружение Настасьи Филипповны Барашковой, пишет: «...познакомился с ней и один молодой чиновник, по фамилии Фердыщенко, очень неприличный и сальный шут, с претензиями на веселость и выпивающий». И, наконец, далее уже сам Фердыщенко себя аттестует генералу Епанчину: «Извольте видеть, ваше превосходительство: у всех остроумие, а у меня нет остроумия. В вознаграждение я и выпросил позволение говорить правду, так как всем известно, что правду говорят только те, у кого нет остроумия. К тому же я человек очень мстительный, и тоже потому, что без остроумия. Я обиду всякую покорно сношу, но до первой неудачи обидчика; при первой же неудаче тотчас припоминаю и тотчас же чем-нибудь отомщаю, лягаю, как выразился обо мне Иван Петрович Птицын, который, уж конечно, сам никогда никого не лягает. < ... > Да меня для того только и держат, и пускают сюда, < ... > чтоб я именно говорил в этом духе. Ну возможно ли в самом деле такого, как я, принимать? ведь я понимаю же это. Ну можно ли меня, такого Фердыщенко, с таким утонченным джентльменом, как Афанасий Иванович, рядом посадить? Поневоле остается одно толкование: для того и сажают, что это и вообразить невозможно...» И уже повествователь от себя добавляет: «Все это было, конечно, грубо и преднамеренно выделано, но так уж принято было, что Фердыщенко позволялось играть роль шута. <...> Но хоть и грубо, а все-таки бывало и едко, а иногда даже очень, и это-то, кажется, и нравилось Настасье Филипповне. Желающим непременно бывать у нее оставалось решиться переносить Фердыщенко. Он, может быть, и полную правду угадал, предположив, что его с того и начали принимать, что он с первого разу стал своим присутствием невозможен для Тоцкого. Ганя, с своей стороны, вынес от него целую бесконечность мучений, и в этом отношении Фердыщенко сумел очень пригодиться Настасье Филипповне...»

Вскоре после скандальной сцены именин у Настасьи Филипповны Фердыщенко куда-то съехал с квартиры Иволгиных, «так что о нем и всякий слух затих; говорили, что где-то пьет, но не утвердительно...» Затем он неожиданно возникает-появляется уже в Павловске и снова активно участвует во всех массовых сценах, конкурируя в шутовстве с Лебедевым. Характерно, что о Фердыщенко ходит слухок, будто при нем «надо выдерживаться и не говорить ничего... лишнего». К тому же, когда у Лебедева пропал бумажник с 400 рублями, Фердыщенко был главным подозреваемым (даже князем Мышкиным!), но в конце концов к пропаже бумажника он все же оказался непричастен.